

МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В СТРАНАХ СНГ И БАЛТИИ В «АРЕАЛЕ ПЕРЕКРЫТИЯ» ЕВРАЗИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОДСИСТЕМ В 1990—2020-Е ГОДЫ

С. В. Рязанцев^{1, 2, 3}

И. Н. Молодинов⁵

О. Д. Воробьева^{2, 4}

¹ Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

² Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6/1

³ МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

⁴ МГУ имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

⁵ Центрально-европейский университет,
Вена, Австрия

Поступила в редакцию 20.03.2022 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-8

© Рязанцев С. В., Молодинов И. Н.,
Воробьева О. Д., 2022

Проанализирована ситуация с миграцией из стран приграничья («ареала перекрытия») двух миграционных подсистем — Евразийской (с центром в Российской Федерации) и Европейской (Евросоюз) с 1991 по 2021 год (до последних событий на Украине). На примере стран бывшего СССР: Республики Беларусь, Латвийской Республики, Литовской Республики, Республики Молдова, Украины и Эстонской Республики — был проведен поэтапный анализ миграционной ситуации в перечисленных странах, рассмотрены двусторонние и многосторонние миграционные процессы и основные факторы, влияющие на их развитие, с одной стороны, и показаны меры в области миграционной политики и их влияние на регулирование миграционных процессов в странах «ареала перекрытия» — с другой. Данные государства, оказавшись между двумя центрами крупных миграционных подсистем в Евразии (Евразийской и Европейской, а иначе — между Российской Федерацией и Евросоюзом), подвергаются их сильному влиянию и «конкурентному тяготению». Сила данного тяготения зависит не только от факторов притяжения и выталкивания, но и от привлекательности и непривлекательности миграционной политики, доминирующей в данных миграционных подсистемах в конкретный момент времени.

Ключевые слова:

миграционные подсистемы, миграционные процессы, миграционная политика, вынужденные миграции, трудовые миграции

Введение

Распад социалистического лагеря и образование на месте СССР пятнадцати независимых государств кардинальным образом поменяли миграционную ситуацию в Восточной Европе, которая ранее была отделена железным занавесом от осталь-

Для цитирования: Рязанцев С. В., Молодинов И. Н., Воробьева О. Д. Миграция и миграционная политика в странах СНГ и Балтии в «ареале перекрытия» Евразийской и Европейской подсистем в 1990—2020-е годы // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 2. С. 115—143. doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-8.

ной Европы. Вновь образованные страны оказались в разной социально-экономической и геополитической ситуации. Реакцией на политические и экономические трансформации стало изменение миграционного поведения населения, которое получило возможность менять место постоянного жительства, страну трудоустройства и обучения. По направлениям, масштабам и видам миграционных потоков можно судить об успешности преобразований, происходивших в независимых государствах. С точки зрения миграции тридцатилетний период в Восточной Европе и постсоветском пространстве не был равномерным и мирным. Продолжается нациестроительство в новых, вновь образованных государствах. Неустоявшиеся границы, сохранившееся с времен СССР, смешанность населения и слабость демократических институтов поддерживают межэтническую напряженность и провоцируют межнациональные конфликты. В 1990-е годы наиболее активно происходила вынужденная миграция, ставшая следствием распада СССР. Для большинства мигрантов из стран бывшего СССР центром притяжения стала Российская Федерация в силу близости социокультурных и родственных связей. В то же время открывшиеся границы способствовали увеличению эмиграции из всех бывших союзных республик. И если первоначально она носила стрессовый характер, то к концу 1990-х годов трансформировалась в трудовую миграцию. С первой половины 2000-х годов трудовая миграция становится основным видом миграции в бывшем СССР. Для стран Балтии, ставших членами Евросоюза, открываются возможности рынков труда стран Западной Европы. В 2000-е годы нарастает эмиграция за рубеж на постоянное место жительства. Этнические конфликты время от времени вспыхивают, порождая потоки беженцев в западные страны.

В 2010-е годы также растет миграционная активность молодежи — увеличивает образовательная миграция в страны Восточной и Западной Европы из республик бывшего СССР. Однако усиливающаяся разновекторность политического развития порождает внутреннюю нестабильность в них, обостряя нерешенные проблемы национальных меньшинств и территориальных притязаний и, как следствие, приводя к новым потокам беженцев. Политический кризис с военными действиями на Украине, революции в Киргизии, выступления в России создают потоки вынужденных мигрантов в обоих направлениях.

Начало 2020-х годов принесло мировую пандемию с ограничениями мобильности, что спровоцировало массовые возвратные миграции, особенно в страны-поставщики, включая страны Балтии и страны, пограничные с ЕС (Украину, Беларусь и Молдову). Экономическая нестабильность многих стран — экспортеров рабочей силы возросла, на этом фоне отвлекающие политические конфликты возобновились с новой силой, вызвав потоки беженцев в западном и российском направлениях (карабахский конфликт, киргизско-таджикские приграничные конфликты, события в Беларуси, Казахстане и специальная военная операция на Украине).

Теоретические рамки исследования

В данной статье обсуждаются факторы, влияющие на функционирование миграционных систем на территории Европы. На европейском континенте в настоящее время можно условно выделить две миграционные подсистемы. Первая — подсистема Евросоюза, которая притягивает миграционные потоки из стран Восточной Европы, бывшего СССР, стран Африки и Ближнего Востока. Вторая имеет центр в Российской Федерации, которая является «магнитом» для притяжения мигрантов из стран Центральной Азии, Южного Кавказа и европейских государств бывшего СССР. Данная дихотомия оказывает влияние на тренды и масштабы миграционных потоков в Европе [1].

Мы придерживаемся мнения, что существует единая миграционная мировая система, в которой функционируют подсистемы (в том числе Европейская и Ев-

разийская) как составные части. Однако, рассматривая взаимодействие и развитие отдельных подсистем, мы используем общепринятую терминологию, согласно которой региональные миграционные устойчивые связи определяются как «миграционные системы». Молдова, Украина, Беларусь, Латвия, Литва, Эстония после обретения независимости оказались в «ареале перекрытия» Европейской и Евразийской миграционных подсистем. Российская Федерация стала крупным региональным центром притяжения мигрантов из Евразии как за счет своей социально-экономической привлекательности, так и благодаря заключению политических союзов, соглашений, договоров, программ (ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и др.). Географическое расположение Молдовы, Украины, Беларуси и русскоязычного населения стран Балтии делает возможным выбор мигрантами между Россией и Евросоюзом.

Три страны Балтии вступили в ЕС в 2004 году и стали членами НАТО, введя визовый режим с соседними странами — нечленами ЕС. Русскоязычное население в них со статусом неграждан и ПМЖ имеет право мобильности в ЕС и в Россию.

Украина вышла из СНГ, подписала ассоциативный договор с ЕС и претендует на вступление в НАТО, имеет безвизовый режим и с ЕС, и со странами СНГ. Молдова сохранила членство в СНГ и подписала ассоциативный договор с ЕС, а также имеет безвизовый режим с востоком и западом. Беларусь составила союзное государство с Россией, сохранила независимость и имеет определенные миграционные преференции с ЕС¹. Таким образом, эти страны, как мы показываем в статье, имеют особенности миграционной политики в силу собственных политических ориентиров и своего географического положения.

Для выявления влияния миграционной политики на формирование миграционных потоков миграционная ситуация в странах приграничья рассматривается в контексте теории миграционных систем и влияния Евразийской и Европейской подсистем [2; 3]. С точки зрения Д. Мессея и его коллег, совпадающей с мнением авторов более раннего исследования [4], мигранты из одной и той же страны могут переселяться в страны различных миграционных систем, но это, как правило, более распространено среди отправляющих стран. Изменение направлений миграционных потоков из той или иной страны связано с социальными переменами, экономическими или политическими проблемами. В работе [3] также утверждается, что такая система стран должна иметь интенсивный обмен информацией и мигрантов разного типа (туристов, студентов, рабочих и т. д.), которые также создают потоки товаров, капитала и идей. Как отмечают некоторые авторы, миграционную систему скрепляют экономические, культурные, политические и другие виды связей. А обмен людьми, товарами и капиталом стран системы должен быть более интенсивным внутри нее, чем со странами вовне [5; 6].

В мировом масштабе выделяются несколько миграционных систем (в нашей трактовке «подсистем»): Североамериканская, Европейская, стран Персидского залива, Азиатско-Тихоокеанская, Южноамериканская, Евразийская. Анализ пяти первых достаточно подробно сделан в западной литературе [7—9]. Также были выделены и описаны региональные подсистемы: США — Мексика, Северная Африка — Европа, Германия — Турция [2; 10; 11]. Европейская миграционная подсистема имеет различные связывающие факторы: 1) совпадение миграционной политики стран, входящих в подсистему; 2) тесные экономические и политические связи между этими странами; 3) сопоставимый уровень экономического развития (сходный культурный фон); 4) географическая близость; 5) общие модели миграции. Страны Евросоюза объединяют единая финансовая, правовая, экономическая и общая системы политики [8; 12]. Эта система имеет четыре подсистемы с разными миграционными режимами [13]. Д. Мессей и Х. Злотник считают, что европей-

¹ Приграничные страны ЕС ввели со странами Восточного партнерства (Молдовой и Украиной) режим свободного пограничного передвижения [58].

ская миграционная подсистема существует благодаря Римскому договору как основе ЕС, обеспечивающему циркуляцию населения, а также общему рынку труда, капитала, услуг [8].

Концептуализация понятия Евразийской миграционной системы была осуществлена в России [13; 14]. Так, И. В. Ивахнюк определяет Евразийскую миграционную систему как группу стран постсоветского пространства, связанных между собой устойчивыми и многочисленными миграционными потоками, которые обусловлены взаимодействием ряда факторов: исторических, экономических, политических, демографических, социально-этнических, географических и других [13]. В коллективной работе под руководством С. В. Рязанцева (2020) [15] были обоснованы определение и содержание понятия «миграционный коридор» как формы устойчивых миграционных связей между посылающими и принимающими странами. На территории бывшего СССР сложились три миграционных коридора (Евроазиатский, Славянский, Кавказский), которые являются частью Евразийской миграционной подсистемы.

Связи стран Европы, находящихся между двумя миграционными подсистемами, делают миграционную ситуацию в них достаточно своеобразной, не похожей на ситуацию в остальных государствах бывшего СССР. Например, страны Балтии после обретения независимости сразу ввели визовый режим со странами бывшего СССР, хотя и сохранили определенные миграционные связи с ними, но постепенно основательно интегрировались в миграционную подсистему Евросоюза, став донорами трудовых ресурсов для рынков труда стран Западной Европы, прежде всего Великобритании, Ирландии, Финляндии, Швеции. Украина и Молдова оказались «между двух огней»: сохраняют прочные миграционные связи с Россией, но в то же время активно отдают трудовых и образовательных мигрантов в Европу, в том числе новым членам Евросоюза (Чехии, Венгрии, Польше, Словакии). Беларусь также вступила в общий рынок труда ЕАЭС, достаточно тесно интегрировавшись с Россией, создав единое миграционное пространство.

Д. Мессей и соавторы отмечали, что в 1980—1990-е гг. в Евросоюзе было шесть основных зон, характеризовавшихся активным и обширным обменом миграционными потоками [7]. По мере развития двух миграционных подсистем (Евразийской и Европейской), между ними постепенно усиливалось взаимодействие и количество контактных миграционных потоков увеличивалось. Ф. Дюваль и соавторы связывают это с возникновением новых форм мобильности в приграничных зонах Восточной Европы [16]. Например, несмотря на политический конфликт, украинские мигранты направляются в Россию как с трудовыми, образовательными целями, так и на постоянное место жительства. Украинцы являются главными соискателями российского гражданства все последние годы. Но в то же время нарастает поток трудовых и образовательных мигрантов из Украины в страны Западной Европы. Очевидно, что рост разнообразия миграционных потоков в зоне приграничья Восточной Европы сопровождается проявлением возможностей миграционного выбора населения между как добровольными, так и вынужденными обстоятельствами [17].

Фактор миграционной политики в странах-соседях (Российской Федерации и Евросоюзе) важен с точки зрения формирования миграционных потоков в странах Восточной Европы. Это показала недавняя ситуация в Республике Беларусь. Белорусские эмигранты до протестов 2021 года ориентировались главным образом на Россию, однако новые возможности получения статуса политических беженцев в Европе и риски быть депортированным из России за участие в протестах переориентировали потоки белорусских эмигрантов на Польшу, Украину, Литву, Чехию, другие страны ЕС. Фактически под влиянием новой геополитической ситуации и миграционной политики стран-соседей за короткий срок произошла диверсификация направления эмиграции из Беларуси в Россию в пользу Евросоюза [18].

Х. де Хаас, один из западных теоретиков миграционной науки, в статье «Формирование и упадок и миграционных систем», отмечает отсутствие объяснений становления миграционных систем как ростом системы устойчивых связей, так и несформированностью таких систем, несмотря на развитие подобных интенсивных связей в других ситуациях [17]. Позднее в коллективных работах с другими учеными им были опубликованы результаты исследований, анализирующих миграционную политику большого количества стран за пятьдесят лет [19; 20]. Рассматривая основные тенденции и движущие силы международной миграции за последнее столетие, авторы поднимают вопрос о том, насколько современные границы являются «в значительной степени неконтролируемыми», а также насколько эффективно государства регулируют миграцию.

Цель и гипотеза исследования, источники информации и методы исследования

Цель статьи — определение влияния миграционной ситуации на трансформацию миграционной политики некоторых стран приграничья (или «ареала перекрытия») бывшего СССР с Евросоюзом. В анализ авторы включают шесть государств: Республику Беларусь, Латвийскую Республику, Литовскую Республику, Республику Молдову, Украину, Эстонскую Республику. Для достижения поставленной цели последовательно решались следующие задачи: анализ трансформации миграционной ситуации в перечисленных регионах с рассмотрением двусторонних и многосторонних миграционных процессов и основных факторов, влияющих на их развитие, актуальных для каждого периода; меры в области миграционной политики и их влияние на регулирование миграционных процессов, использование основных инструментов миграционной политики, позволяющих реализовывать необходимые правовые и административные регуляторы миграционной ситуации в странах «ареала перекрытия». Гипотеза исследования заключается в том, что данные государства, оказавшись между двумя центрами крупных миграционных подсистем в Евразии (Евразийской и Европейской, а иначе между Российской Федерацией и центром Евросоюза), стали подвержены их сильному влиянию и «конкурентному тяготению». Сила данного притяжения зависит не только от факторов притяжения и выталкивания, но и от привлекательности и непривлекательности миграционной политики, доминирующей в данных миграционных подсистемах в конкретный момент времени. В статье была проанализирована ситуация с миграцией из стран приграничья («ареала перекрытия») в контексте формирования миграционной политики двух миграционных подсистем — Евразийской (с центром в Российской Федерации) и Европейской (Евросоюз) с 1991 по 2021 год (до последних событий на Украине).

Объектом исследования стали потоки эмигрантов из шести стран приграничья, или «ареала перекрытия» (Беларусь, Молдова, Украина, Латвия, Литва и Эстония), а предметом исследования — влияние миграционной политики Российской Федерации и стран Евросоюза на формирование и реализацию эмиграционных установок населения в шести странах «ареала перекрытия» в 1991 — 2021 годах. Основным потоком эмигрантов являются экономические (прежде всего трудовые) эмигранты, но в поле зрения также попадают образовательные и вынужденные мигранты. В статье использовался аналитический сравнительный метод оценки миграционного законодательства и миграционной ситуации в части эмиграции населения в шести странах. В качестве основных источников информации использовались миграционные законы Российской Федерации, Евросоюза и шести стран приграничья, или «ареала перекрытия». Статистической базой исследования стали данные по эмиграции, представленные в национальной статистике стран приграничья, данные

по иммиграции, представленные в статистике Российской Федерации², ОЭСР, национальной статистике стран Евросоюза, принимающих мигрантов из стран приграничья — МОМ, Всемирного банка, Программы развития ООН, МОТ, ЮНФПА.

Этапы эмиграции из стран приграничья, или «ареала перекрытия», в Восточной Европе

В исследовании были выделены шесть этапов (периодов) развития эмиграции в странах региона в контексте миграционной политики Российской Федерации и Евросоюза. Ключевыми отличительными характеристиками этапов (периодов) стали доминирующие факторы и тренды эмиграции в данный промежуток времени, формировавшиеся под влиянием не только внутренней социально-экономической и геополитической ситуации в странах происхождения мигрантов, но и миграционных режимов в Российской Федерации и Евросоюзе как центрах Евразийской и Европейской миграционных подсистем соответственно (табл. 1).

Первый период (этап) — «ранний постсоветский» (1991—1995)

В странах «буферной» зоны преобладали вынужденные мотивы эмиграции населения, которые формировались под влиянием политических и социально-экономических причин. Главными факторами выталкивающего характера были вооруженные конфликты, национальная политика, рост национализма, запрет на использование русского языка, спад производства, безработица. Эмиграция также носила этническую окраску, поскольку некоторые страны активно привлекали «соотечественников» на основе этнического происхождения (Германия — немцев, Израиль — евреев, Греция — греков, Румыния — молдаван, Венгрия — венгров, Польша — поляков, Болгария — бессарабских болгар). Например, в результате масштабной эмиграции к 2001 году количество евреев в Украине сократилось в пять раз. В Германию в начале 1990-х годов из Украины ежегодно эмигрировали 6—8 тыс. человек по немецкой и еврейской линии, а в Грецию выехали около 15 тыс. украинских греков [22]. Численность русских, украинцев, белорусов, поляков, немцев, греков, болгар в странах, не являвшихся материнскими, сократилась в 1997—2000 годах: в России — на 40 %, в Украине — на 25 %, в Беларуси — на 45 % [23].

Активная эмиграция отмечалась из стран Балтии после восстановления независимости в 1990 году, когда их стали покидать семьи офицеров и администрации Советской армии и представители русскоязычного населения, чувствовавшие неуверенность в своем будущем и не готовые выполнить требования изучения официального языка для получения гражданства [24]. Отметим, что правительства Эстонии и Латвии выбрали способ предоставления гражданства по признаку его «восстановления»³. Этот «тест на лояльность» оставил более 25 % населения без гражданства в обеих странах. В Латвийской Республике люди получили статус «неграждан» (англ. *non-citizens or aliens*, латв. *nepilsoņi*), а в Эстонской Республике — статус иностранцев с постоянным видом на жительство. В результате международного давления Эстония и Латвия внесли некоторые поправки в свое законодательство о гражданстве, согласно которым дети неграждан, родившиеся в этих странах после обретения независимости, приобретают гражданство автоматически (по просьбе родителей). Тем не менее исследователи отмечали, что, несмотря на активную эмиграцию в 1990-е годы, русскоязычная группа населения (русские, белорусы и украинцы) к 2010-м годам по-прежнему оставалась доминирующей в Эстонии, Латвии и Литве [25].

² Статистика по России с 2014 года включает полуостров Крым, а статистика Украины оперирует данными без неподконтрольных территорий.

³ То население, которое имело родных на территории стран в период до 1940 года, автоматически получало гражданство.

Таблица 1

**Эволюция миграционных потоков в странах перекрытия миграционных подсистем
в зависимости от изменения миграционного законодательства Российской Федерации и Евросоюза**

Период (этап) миграции	Основные миграционные потоки из стран «ареала перекрытия» миграционных систем	Ключевые аспекты миграционной политики Российской Федерации	Ключевые аспекты миграционной политики Евросоюза
I «Ранний постсоветский» (1991—1995)	Вынужденная миграция в Россию (беженцы, вынужденные переселенцы); возвратная миграция русскоговорящего населения в Россию; этническая эмиграция на Запад; челночная торговая миграция в приграничных регионах	Формирование миграционной законодательства. Относительная либеральность миграционных законов, в том числе закона о гражданстве. Прием вынужденных мигрантов	Безвизовый режим со странами Балтии. Безвизовый режим для краткосрочных туристических поездок. Безвизовый режим для челночных торговых поездок в приграничных регионах. Прием этнических мигрантов некоторыми странами (Германия, Израиль, Греция, Венгрия, Польша, Румыния, Болгария)
II «Поздний постсоветский» (1996—2001)	Вынужденная миграция в Россию; трудовая миграция в Россию; челночные торговые миграции в страны Европы и Турцию; трудовая миграция на Запад; нелегальная миграция на Запад	Формирование миграционного безвизового режима в рамках СНГ. Миграционный режим в рамках Союзного государства Россия — Беларусь (1996)	Безвизовый и упрощенный визовый режимы с приграничными странами Центральной и Восточной Европы. Межгосударственные соглашения о занятости и социальных гарантиях трудовых мигрантов
III «Выдвижение» ЕС на Восток и политика «секьюритизации» России и Беларуси (2002—2005)	Трудовая, в основном нелегальная миграция в Россию и на Запад	Новые законы «О правовом положении иностранных граждан» и «О гражданской ответственности миграционной политики. Усиление мер по борьбе с нелегальной миграцией»	Введение визового режима странами Центральной и Восточной Европы (кандидатами в ЕС) с Российской Федерацией и странами приграничья (Украина, Молдова, Беларусь). Вступление стран Балтии в Евросоюз. Открытие рынков труда Ирландии, Великобритании, Швеции, для граждан стран Балтии и ЦВЕ ЕС. Открытие системы малого пограничного контроля и введение «этнических паспортов и карт» в отдельных странах ЦВЕ

Окончание табл. 1

Период (этап) миграции	Основные миграционные потоки из стран «ареала перекрытия» миграционных систем	Ключевые аспекты миграционной политики Российской Федерации	Ключевые аспекты миграционной политики Евросоюза
IV «Либеральный» период миграционной Евросоюза и России (2006—2011)	Усиление трудовой миграции на Запад; образовательная миграция в Россию и на Запад; бизнес-эмиграция на Запад; отток вынужденных мигрантов из зон конфликтов в Южной Осетии и Абхазии	Либерализация миграционной политики в отношении граждан стран СНГ. Государственная программа содействия переселению в Россию соотечественников	Открытие рынков труда стран Евросоюза для мигрантов из «новых» членов Евросоюза. Упрощение временного трудоустройства в «новых» членах ЕС для граждан Беларуси, Молдовы, Украины, России. Введение упрощенных режимов передвижений для жителей приграничья стран Восточной Европы. Развитие системы «этнических карт» и паспортов. Договоры о реадмиссии Евросоюза со странами Восточного партнерства
V Рост напряженности в отношениях многих стран СНГ и с ЕС «Конкуренция за мигрантов» (2012—2019)	Вынужденная миграция из Украины в основном в Россию и немного на Запад; трудовая миграция на Запад и в Россию; инвестиционная эмиграция на Запад; транзитная нелегальная миграция через страны приграничья в Евросоюз из третьих стран	Развитие системы пагентов на работу в России. Формирование общего рынка труда ЕАЭС. Либерализация закона «О гражданстве» для граждан Украины. Упрощение занятости для иностранных студентов. Расширение работы с соотечественниками	Либерализация доступа на рынок труда стран Центральной и Восточной Европы (прежде всего, Польши) граждан стран приграничья. Подписание ассоциативного соглашения с Молдовой (2013 г.) и Украиной (2017 г.) о безвизовых рабочих поездках. Расширение политики возвратной миграции соотечественников в страны Восточной Европы (Польша, Венгрия)
VI «Пандемический» (2020 — начало 2022)	Сокращение масштабов всех видов миграции; транзитная нелегальная миграция через страны приграничья в Евросоюз из третьих стран (миграционный кризис на границах Беларуси, Польши и Литвы); вынужденная миграция из Беларуси в Евросоюз	Закрытие границ для иностранных граждан. Развитие системы оргнабора трудовых мигрантов. Выборочное открытие границ с некоторыми государствами на основе мониторинга эпидемиологической ситуации	Закрытие границ для граждан, не имеющих признанной вакансии. Либерализация трудоустройства для мигрантов востребованных специальностей (сезонные сельскохозяйственные рабочие, работники сервиса, строители, медперсонал)

Положение между двумя центрами притяжения привело к значительным потерям населения в Украине, Молдове и странах Балтии, усугубляя в них депопуляцию. Миграционные потери в 1991—2000 годах в Украине составили 510 тыс. (имелось положительное saldo миграции в 1991—1993 годах), Молдове — 159 тыс., Латвии — 110 тыс., Эстонии — 66 тыс., Литве — 47 тыс. человек. Однако данные цифры включают только мигрантов, выехавших на постоянное место жительства, и не охватывают временные формы трудовой миграции.

Отметим также, что, по данным официальной статистики, миграционная убыль по постоянной миграции в Республике Беларусь отмечалась только в 1994—1995 годах (табл. 2). В Беларусь 90 % мигрантов прибывали из России, Украины и Казахстана. Около 32 % въезжали с целью воссоединения семей, 24 % — с целью получения работы, 24 % — это возвратные мигранты. Существовал и поток нелегальных мигрантов. Например, Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь сообщало, что 15 % рабочей силы в стране составляют нелегальные мигранты [26].

Таблица 2

Миграционный прирост (убыль) населения пограничных стран Восточной Европы и Российской Федерации в 1991—2000 годах, тыс. человек

Страна	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Беларусь	3,0	53,8	32,4	-3,3	-0,2	9,3	14,8	19,9	17,6	12,1
Латвия	-5,8	-23,2	-23,7	-25,0	-13,7	-7,4	-5,0	-3,0	-1,5	-1,4
Литва	-4,4	-11,7	-17,0	-6,9	-2,8	-1,8	-0,6	-0,6	-0,3	-0,6
Молдова	-33,7	-36,8	-15,1	-14,8	-17,1	-16,5	-9,9*	-7,1*	-3,0*	-4,7*
Россия	136,1	266,2	526,3	978,0	653,7	513,5	514,1	428,8	269,5	362,6
Украина	151,3	287,8	54,5	-142,9	-131,6	-169,2	-136,0	-152,0	-138,3	-133,6
Эстония	-4,2	-21,8	-12,8	-10,2	-7,7	-5,0	-2,8	-1,2	-0,3	-0,4

Примечание: * — данные без учета территории левобережья р. Днестр и г. Бендеры.

Российская Федерация и Беларусь, напротив, за счет мигрантов из пограничных соседних стран частично компенсировали естественную убыль населения. В 1992—2000 годах миграционный прирост России в миграционном обмене со странами СНГ и Балтии составил около 6 млн человек, что на три четверти компенсировало естественную убыль населения в стране. Из общей численности прибывших четвертую часть составили жители Украины. Миграционные потоки из Украины и Молдовы, а также в меньшей степени из Беларуси в значительной степени были ориентированы на Россию [27].

Привлекательности России для мигрантов из соседних приграничных стран способствовали достаточно лояльные законы в отношении предоставления гражданства. В частности, закон «О гражданстве» (1991) установил срок упрощенной процедуры приобретения российского гражданства до 1996 года (и затем он неоднократно продлевался). Последняя поправка разрешала выбирать гражданство до конца 2001 года. Граждане Республики Беларусь после создания единого государства Россия — Беларусь в 2006 году стали пользоваться правами граждан обеих стран проживания и работы без ограничений [28].

Также в Российской Федерации в начале 1990-х годов были приняты законодательные акты, регламентирующие прием, размещение и обустройство вынужденных мигрантов: «Закон о беженцах» (ФЗ №4528-1 от 19.02.1993), «Закон о вые нужденных переселенцах» (ФЗ №4530-1 от 19.02.1993), Распоряжение Президента

РСФСР «Об организации работы по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам» (№ 123-РП от 14.12.1991). Ключевым документом гуманитарной миграционной политики в этот период стало Постановление Правительства РФ от 03.03.1992 № 135 «О мерах по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам», Долгосрочная республиканская программа «Миграция» (1992) и Федеральная миграционная программа, которая действовала с 1995 по 2001 год. Были подписаны и ратифицированы семь межправительственных соглашений о регулировании процесса переселения и защите прав переселенцев, учреждены представительства ФМС России в нескольких странах (в том числе в Латвии, Украине, Молдове). Российская Федерация подписала двухсторонние договоры «О сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защите трудящихся мигрантов» с Украиной, Молдовой, Беларусью (1994); двухсторонние договоры по социальному обеспечению военных (1996) и граждан России (2011) с Эстонией, Литвой и Латвией; двусторонние соглашения о пенсиях по труду с Молдовой, Беларусью и Украиной [29]. Республика Беларусь заключила договоры о временной трудовой деятельности с Республикой Молдова (1994), Украиной (1995), Республикой Польша (1995), Литовской Республикой (1996).

Демографическое старение населения и дефицит трудовых ресурсов в европейских странах формировали объективную потребность в рабочей силе. Пограничные с ЕС страны представляли собой прекрасный резервуар трудовых ресурсов, близкий в географическом и социокультурном отношении к Евросоюзу. Евросоюз с 1991 года предоставил странам-кандидатам (в том числе странам Балтии) возможность безвизовых туристических поездок. Фактически этот шаг открыл «окно» в Европу для трудовых мигрантов, предоставив возможность неоформленной занятости на европейском рынке труда. Исследователи отмечают, что поездки за рубеж население стран Балтии часто совмещало с незаконной занятостью. Например, трудовая эмиграция из Литвы в 1990-е годы была стратегией защиты от экономического переходного периода [30]. Многие литовцы решили эмигрировать в поисках работы в западные страны [29; 31].

Была проведена либерализация режимов перемещения населения в приграничных районах стран перекрытия миграционных подсистем зоны Восточной Европы после расширения Евросоюза на восток. Граждане приграничных регионов Украины, Молдовы, Беларуси, Калининградской области России имели возможность безвизовых поездок в Польшу, Венгрию, Румынию, Чехию, Словакию. Фактически сложилась зона свободного передвижения людей в пределах бывшего социалистического лагеря [32; 33]. На этой основе в приграничных регионах развивались челночная миграция и торговля поддержанными машинами, продуктами, промышленными товарами. Расцвет челночной торговли между странами бывшего СССР (Россия, Украина, Молдова, Беларусь), Центральной Европы (Польша, Венгрия, Румыния), Германией, Турцией пришелся именно на данный период. Введение странами Балтии в 1992 году визового режима со всеми странами СНГ (включая Украину и Молдову) позволяло развиваться челночной торговле только в приграничной полосе.

Второй период (этап) — «поздний постсоветский» (1996—2001)

В этот период происходит активный рост масштабов и диверсификация направлений эмиграции из стран влияния обеих миграционных систем. На первый план выходит трудовая миграция, но еще сохраняет значительную роль челночная торговая миграция. Все большее число людей ищет возможности заработка за границей. Можно говорить о том, что происходила «профессионализация» эмиграции.

В 1994 году многие украинские эмигранты формально еще сохраняли места работы, занимаясь челночным бизнесом, а к 2002 году доля указавших свой статус как «безработный» достигла 39 %. К началу 2000-х годов трудовая миграция стала для значительной части населения Украины основным видом деятельности [34]. Существенно расширилась география поездок молдавских эмигрантов: если в 1994 году они указывали только 17 стран выезда, то в 2002-м — уже 26. В перечне ключевых стран эмиграции молдавских граждан появились Германия, Португалия, Италия, Испания [35]. Также увеличилась длительность миграции: если в начале 1990-х годов преобладали челночные поездки граждан Молдовы и Украины на несколько дней, то к 2002 году соотношение изменилось в пользу более длительных поездок [34; 35]. Финансовый кризис 1998 года фактически «убил» челночную торговую миграцию как массовое явление, но способствовал укоренению эмигрантов в странах, с которыми они развивали торговлю [34—36].

На этом этапе страны Центральной и Восточной Европы и Балтии начинают шаги по вступлению в Евросоюз. В них был принят ряд законодательных актов по усилению пограничного контроля со странами-соседями, с 1997 года вводятся упрощенные визы [37]. Ужесточение пограничного контроля сделало официальные поездки для граждан «ареала перекрытия» более затратными, поэтому многие мигранты пытались проникнуть в Евросоюз незаконно или оставались в нем по туристическим визам. Граждане Украины и Молдовы занимали первые места в списке нелегально пересекающих границу в Евросоюзе [38; 39].

Россия как основная принимающая на этом этапе страна в качестве инструментов регулирования миграционных процессов и, в частности, трудовой миграции достаточно оперативно разрабатывает, принимает и ратифицирует постановления Правительства Российской Федерации, семь межправительственных соглашений, два двусторонних договора и ключевой законодательный акт в области привлечения и использования иностранной рабочей силы (ФЗ№115 от 2002 года) «О правовом положении иностранных граждан» [33].

Третий период (этап) — «расширение Евросоюза на Восток и усиление миграционного контроля Россией» (2002—2005)

После терактов 11 сентября 2001 года в США начался глобальный поворот к ужесточению миграционной политики и усилению борьбы с нелегальной миграцией. В России функции миграционного контроля и миграционной политики были переданы МВД. Был ужесточен закон «О гражданстве» (2001), принят закон «О правовом положении иностранных граждан» (2002). Украина также реорганизовала свою пограничную службу и усилила контроль на восточной границе с Россией. Беларусь восстановила систему охраны границ советского периода [40].

В России все иностранные граждане должны были пройти сложную систему регистрации. В результате только 7 % мигрантов смогли оформить документы в установленный срок, а остальные невольно стали нелегальными мигрантами, и им приходилось либо регулярно платить официальные или неофициальные штрафы за нелегальное пребывание без регистрации, либо обращаться в полулегальные компании-посредники для оформления поддельной регистрации. Только граждане Республики Беларусь избежали данных проблем.

Ограничительная миграционная политика привела к росту нелегальных мигрантов (в 2001—2006 годах в России 75 % мигрантов не имели разрешения на работу и 50 % — легального вида на жительство [41]). Данный тренд миграционной политики сократил миграционные потоки в Россию из стран бывшего СССР, частично переориентировав их на страны Запада и новые центры притяжения трудовых

мигрантов (Казахстан, КНР, Японию, Республику Корею, Турцию, страны Персидского залива). Эмиграция становится более профессиональной, в нее включаются врачи, исследователи, профессора, инженеры, IT-специалисты, программисты.

Вступление стран Балтии в Евросоюз в 2004 году усилило миграцию из них на Запад. Так, в настоящее время около 52 тыс. эстонцев (21 % всех иностранцев) живут в Финляндии⁴. При этом большинство новых иммигрантов в Эстонию прибывают из России и Украины [42]. Массовая трудовая эмиграция из Латвии привела к выезду из страны 260 тыс. человек, что составляет 14 % населения. Вступление Литвы в Евросоюз открыло новые возможности для населения⁵. «Чистый» средний заработок супружеской пары с двумя детьми в 2004 году в Евросоюзе-15 был в 8 раз выше, чем в Литве. Поток трудовых мигрантов из Литвы в Евросоюз в 2004—2014 годах ежегодно составлял около 1 % населения [29]. Великобритания и Ирландия не применяли переходный период и сразу же открыли границы для рабочих из новых государств-членов. В результате в этих странах теперь проживает самая большая литовская диаспора [29].

Страны Центральной и Восточной Европы (Румыния, Польша, Венгрия, Словакия, Чехия) в 2001—2003 годах, готовясь к вступлению в Евросоюз, ввели визовую систему с соседями, что противоречило историческим связям пересечения границ местным населением и перекрывало пути движения дешевой рабочей силы. Требование Евросоюза о закрытии границы вызвало дискуссию о судьбе этнических венгров за границей, и в 2003 году венгерский парламент принял новый «Закон о статусе», чтобы дать венграм, проживающим в соседних странах, возможность пользоваться картой венгра (аналог паспорта) при въезде в Венгрию [43]. Польша также поддержала и развила эту инициативу для этнических поляков, введя в 2007 году карту поляка. Аналогичные инициативы по выдаче соотечественникам своих паспортов были осуществлены Румынией и Болгарией. С 2004 года Эстония реализует Программу возвращения соотечественников (Rahvuskaaslaste Programm), которая также включает поддержку культуры и языка этнических эстонцев за границей.

Если начало 1990-х годов для Евросоюза характеризовалось эйфорией разрушения социализма и мечтой об «интегрированной и свободной Европе», то уже к 2000 году картина будущего была более пессимистичной на фоне большого потока незаконных мигрантов через восточные границы. Присоединение новых стран показало необходимость принятия мер по контролю границ Евросоюза. Странам бывшего СССР были предложены договоры о реадмиссии в обмен на либерализацию визового режима. Но многие страны, включая Российскую Федерацию, опасались подписывать эти договоры из-за риска стать резервуарами незаконных мигрантов из Азии и Африки. В период миграционного кризиса 2014—2016 годов подобные опасения частично подтвердились, когда нелегальные мигранты использовали северный путь через Мурманскую область в Евросоюз. Россия стала страной транзита незаконных мигрантов в Евросоюз [44]. В итоге Российская Федерация сама начала строить коллективную ответственность противодействия незаконной миграции в формате СНГ.

Власти Евросоюза развивали идею создания «круга друзей», способствующего безопасности, поддержке мира и стабильности на восточных границах. Она воплотилась в жизнь через европейскую политику соседства [45], реализуемую посред-

⁴ Population structure, *Statistics Finland*. In: Kallioma-Puha, L. “Migrants” Access to Social Protection in Finland., p. 152, URL: https://www.tilastokeskus.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto.html#muuttoliike (дата обращения: 18.02.2019).

⁵ Eurostat, 2019, Annual net earnings [earn_nt_net], *Eurostat Database*, URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 05.02.2019).

ством специальных программ. Евросоюз намеревался построить зону для контроля потенциальных угроз со стороны Беларуси, Молдовы, Украины, России. Российская Федерация не вошла в данный формат, предложив отдельный пакет «стратегического партнерства» с Евросоюзом [46]. Европейская политика соседства сформулирована в рамках глобального подхода управления миграцией, но, по мнению некоторых экспертов, демонстрирует силовую геополитику, которая делит Европу на «Евросоюз и окружающее пространство» [45].

Четвертый период (этап) — «либеральный» (2006—2011)

Демографический кризис и нехватка рабочей силы подтолкнули российское правительство к либерализации миграционной политики в январе 2007 года. Миграционный прирост компенсировал 75 % естественной убыли населения в России. Либерализация трудовой миграции оказалась успешной. Около 7,5 млн мигрантов из безвизовых стран СНГ прошли регистрацию, 2,5 млн получили разрешение на работу. Рост бюджетных доходов от реализации этой новой либеральной политики достиг 11 млрд рублей (более 500 000 долларов США). Если в 2005 году регистрацию прошли 54 % мигрантов, то в 2008-м этот показатель достиг 85 % [47]. В закон «О гражданстве» были внесены поправки, восстановившие некоторые привилегии соотечественниками и тем самым запустившие процесс возвратной миграции. Была принята Государственная программа содействия добровольному переселению соотечественников из-за рубежа с целевыми ориентирами в 300 тыс. человек в год [48]. Крайне ограниченное число российских регионов (в 2006 году — 12, в 2008-м — 13), в которых соотечественники могли стать участниками госпрограммы, и экономическая отсталость предложенных регионов не позволили в первые годы реализовать репатриационные цели, поставленные перед программой. Вплоть до 2011 года численность участников госпрограммы не превышала 30 тыс. человек в год.

В 2006 году в странах Центральной и Восточной Европы (Чехия, Польша, Словакия, Венгрия) были упрощены процедуры доступа на рынок труда трудовых мигрантов из Молдовы, России, Украины и Беларуси. Например, Польша начала либерализацию миграционной политики в связи с массовой эмиграцией поляков в Евросоюз с 2004 года и дефицитом трудовых ресурсов на национальном рынке труда. В течение 2007—2013 годов более 2 млн поляков эмигрировали в Великобританию, Германию, Ирландию, Нидерланды, США [49; 50]. Либерализация миграционной политики способствовала увеличению численности мигрантов, легально работающих в Польше [51].

Страны Центральной и Восточной Европы перед введением Шенгена добились возможности для граждан соседних стран работать на своей территории шесть месяцев в течение года без разрешения на трудоустройство, по заявлению работодателя. С того момента началась переориентация потока трудовых и частично образовательных мигрантов на Польшу, а позже Чехию, Словакию и Венгрию [52]. В 2007 году Евросоюз принял решение упростить оформление виз с подписанием соглашений о реадмиссии с Украиной, Россией, Молдовой. Были достигнуты договоренности о «малом приграничном движении» с Венгрией в 2007 году, Польшей и Словакией в 2008-м., Румынией в 2014-м.

На все страны бывшего СССР оказал негативное влияние мировой финансово-экономический кризис 2008—2009 годов. Количество мест приложения труда для мигрантов резко сократилось, многие мигранты были вынуждены вернуться на родину или уйти в теневую занятость. В 2008—2010 годах Латвия пережила крупный финансовый кризис, потеряв 25 % валового внутреннего продукта, а уровень безработицы достиг 18,7 % [53].

Пятый период (этап) — «конкуренция за мигрантов» (2012—2019)

Данные по миграции на постоянное место жительства свидетельствуют о том, что в 2010—2020 годах крупнейшим получателем мигрантов в регионе оставалась Российская Федерация — от 100 до 320 тыс. человек миграционного прироста ежегодно. Среди стран «буферной» зоны положительное сальдо миграции также имели Украина и Республика Беларусь. В странах Балтии и Республике Молдова отмечался отрицательный миграционный прирост, за исключением 2019—2020 годов в Литовской Республике (табл. 3).

Таблица 3

Миграционный прирост (убыль) населения стран приграничья Восточной Европы и Российской Федерации в 2010—2020 годах, тыс. человек

Страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Республика Беларусь	10,3	9,9	9,3	11,6	15,7	18,5	7,9	3,9	9,4	Н/д	Н/д
Латвийская Республика [1]	-35,6	-20,1	-11,9	-14,3	-8,6	-10,6	-12,2	-7,8	-4,9	-3,4	-3,2
Литовская Республика [1]	-72,0	-38,2	-21,3	-16,8	-12,3	-22,4	-30,1	-27,5	-3,3	10,8	19,9
Российская Федерация [2; 3]	158,1	319,8	294,9	295,9	270,0	245,4	261,9	211,9	124,9	285,1	106,5
Республика Молдова	-0,5	-0,9	0,1	-1,7	-1,6	-0,8	-1,1	-0,4	-0,2	-1,2	н/д
Украина [4]	16,1	17,1	61,8	31,9	22,6	14,2	10,6	12,0	18,6	21,5	9,3
Эстонская Республика [5]	-2,5	-2,5	-3,7	-2,6	-0,7	2,4	1,0	5,2	7,0	5,4	3,8

Источники: *Россия и страны — члены Европейского союза. 2019 : статистический сборник, 2019, М., Росстат, 2019, с. 43—45; Росстат, 2022, URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rus-Es2019.pdf> (дата обращения: 15.02.2022); Population change — Demographic balance and crude rates at national level [demo_gind], 2022, Eurostat, URL: <https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do> (дата обращения: 15.02.2022); **данные с 2010 по 2018 год: Демографический ежегодник России 2019, 2019, Статистический сборник. М., Росстат, 2019, с. 200. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dem_ejegod-2019.pdf (дата обращения: 15.02.2022); ***данные 2019—2020 годов: Содружество независимых государств. Предварительные итоги, 2020, Статистический сборник Статкомитета СНГ, с. 151, URL: <http://www.cisstat.com/> (дата обращения: 15.02.2022); ****Державна служба статистики України, URL: <http://www.ukrstat.gov.ua/> (дата обращения: 15.02.2022); *****Statista — The Statistics Portal, URL: <https://www.statista.com/statistics/1264960/estonia-immigration-figures/> <https://lb-aps-frontend.statista.com/statistics/1264949/estonia-emigration-figures/> (дата обращения: 15.02.2022).

В 2010-х годах страны Балтии становятся более привлекательными для внешних мигрантов из третьих стран. Таблица 3 показывает положительный миграционный прирост России и Беларуси, а также Латвии, Эстонии и Украины.

Россия в мигрантах из рассматриваемых стран СНГ видит один из ресурсов компенсации потерь демографического потенциала. При этом украинцы и белорусы неофициально считаются наиболее предпочтительными этническими группами мигрантов, адаптация и интеграция которых наиболее беспрепятственны для российского общества. В 2014—2015 годах российскими властями даже были либерализованы процедуры получения украинскими гражданами гражданства Российской

Федерации. Украинцы остаются главной группой иностранных граждан, получающих гражданство Российской Федерации: в 2019 году их количество достигло 400 тыс. человек.

Произошедший в 2014 году политический кризис в Украине вызвал волну массовой вынужденной миграции [54]. Разделение страны способствовало появлению двух примерно равнозначных по численности потоков вынужденных мигрантов: около 1 млн беженцев из Донецкого и Луганского регионов переехали в Россию и около 1,46 млн внутренне перемещенных лиц — в другие регионы Украины [55]. В 2015 году ВВП Украины сократился на 10 %, возросли безработица и бедность, что спровоцировало трудовую эмиграцию украинцев за рубеж.

Функционирование в России Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, позволило большинству украинцев получить статус участника Госпрограммы. Также Республика Беларусь приняла около 60 тыс. ищущих убежище из Украины в 2014 году.

В 2014 году пять государств бывшего СССР, подписавших соглашение о Евразийском экономическом сообществе, создали Евразийский экономический союз (ЕАЭС), который вместе с Евразийской комиссией сформировал субнациональную структуру управления. На российском рынке труда появилось несколько типов трудовых мигрантов: 1) граждане стран ЕАЭС, имеющие свободный доступ на рынок труда; 2) мигранты из безвизовых стран СНГ (включая Украину и Молдову), имеющие менее либеральный доступ на основе патентной системы; 3) мигранты из стран с визовым режимом, въезжающие и работающие на основе рабочей визы и разрешения на работу. Это создало иерархию неравенства потоков рабочей силы [40].

В 2017 году Украина получила безвизовый режим с Евросоюзом, что резко увеличило мобильность населения: в 2018 году путешествовало 7,6 %, а в 2019-м — 14,4 % населения страны. Каждый десятый (9,4 %) ехал, чтобы навестить друзей и родных, или в поисках работы (8,2 %) [56]. Регулярное автобусное сообщение из Молдовы в Россию через Украину стало дорогим и ненадежным, авиационные и железнодорожные рейсы в Россию были отменены. По данным МОМ, из 728 тыс. граждан Молдовы большинство по-прежнему находятся на территории Российской Федерации (более 217 тыс. человек, 30 % всех мигрантов), далее следуют Италия (16 %), Франция (7 %), США (6 %), Канада и Польша (по 5 %), Португалия, Ирландия, Украина и Германия (по 3 %)⁶. Доля Российской Федерации как направления трудовых мигрантов молдавских граждан за последние годы значительно сократилась: в 2005 году — на 55 %, в 2018 г. — на 41 %, в 2019 г. — на 63 % от общего числа трудовых мигрантов. Это свидетельствует о явном сближении Молдовы с Евросоюзом, но в то же время страна продолжает оставаться в Евразийской миграционной системе. Можно сказать, что население Молдовы активно пользуется безвизовым режимом в обоих направлениях — европейском и российском.

По мнению украинских и молдавских экспертов [57; 58], эти факторы в сочетании с либерализацией визового режима Евросоюза, экономическим кризисом в России, вызванным санкциями Запада из-за присоединения Крыма, повлекшими девальвацию рубля, привели к переориентации украинской и молдавской трудовой миграции на страны Евросоюза. Количество украинских трудовых мигрантов в России стало сокращаться, а в Евросоюзе, напротив, расти. Украина, Эстония и Литва из отдающих стран становятся и принимающими странами.

⁶ Больше всего граждан Молдовы за рубежом находятся в России, 2022, Sputnik Молдова, 17.01.2022, URL: <https://ru.sputnik.md/20220117/bolshe-vsego-grazhdan-moldovy-za-rubezhom-nakhodyatsya-v-rossii-48087394.html> (дата обращения: 17.01.2022).

Еще до пандемии более заметным эмиграционным каналом из стран зоны перекрытия миграционных систем стала образовательная миграция. Практически из всех стран региона усиливается поток молодежи на обучение в страны Евросоюза — многие государства и университеты предоставляют стипендии и гранты на получение образования. В начале 2000-х годов в Евросоюзе обучались приблизительно 10 тыс. школьников и студентов из Украины. В 2020 году их численность составила примерно 72 тыс. человек⁷. Активно в образовательную миграцию вовлечены молодые люди из стран Балтии, Молдовы и Беларуси. Политика Российской Федерации в сфере привлечения иностранных студентов также активна. Выделяются квоты на обучение в российских вузах (11 тыс. мест в 2018 году) по линии Россотрудничества для детей соотечественников. В целом из 282 тыс. иностранных студентов около 200 тыс. были из стран СНГ, в том числе из Украины — 21 тыс., из Беларуси — 11 тыс., из Латвии, Литвы и Эстонии соответственно 501, 220 и 305 человек⁸.

Шестой период (этап) — «пандемический» (2020 — начало 2022 года)

В 2020 году страны закрывали границы и вводили режим локдауна, как следствие, сокращались миграционные потоки. Исключением была Беларусь, которая так и не ввела ограничительных мер. В странах Балтии были введены комендантский час и жесткие меры локдауна. В Польше, Украине и Молдове после первого месяца карантина были уменьшены ограничения. Достаточно жесткие ограничительные меры вводила Российская Федерация. Из-за закрытия многих пограничных пунктов пропуска миграционный поток украинцев в Россию снизился в пять с половиной раз.

В Евросоюзе и Российской Федерации локдауны и закрытые границы резко сократили приток сезонных и временных трудовых мигрантов, как следствие, обозначился острый дефицит на некоторые категории рабочих, прежде всего в строительстве, сельском хозяйстве, сервисных отраслях. Некоторые европейские страны (Германия, Австрия, Великобритания, Финляндия), несмотря на пандемию, либерализовали свои миграционные законодательства по вопросам привлечения сезонных рабочих. Были организованы чартерные рейсы из Украины и Молдовы. Власти Российской Федерации также неоднократно заявляли о дефиците строительных рабочих. Но действия в сфере миграционной политики были направлены на выстраивание системы алгоритма организованного набора рабочих в Узбекистане и Таджикистане.

Во время пандемии в Литве и Эстонии было отмечено положительное сальдо миграции, которое, очевидно, обусловлено увеличением возвратного потока мигрантов из Европы, в том числе Великобритании [59]. Ожидается, что возвратные мигранты могут принести в свои страны новую культуру организации производства, навыки и знания, что окажет положительное влияние на социально-экономическое развитие стран возвращения.

Особого внимания заслуживает миграционная ситуация в Республике Беларусь. Со второй половины 2020 года наметился миграционный отток белорусских граждан, вызванный политической ситуацией в стране после подавления демонстраций в августе 2020 года. Белорусское правительство 10 декабря 2020 года ограничило правила выезда через сухопутную границу с Украиной, Польшей, Литвой и Латвией некоторым категориям граждан. Количество эмигрантов из Беларуси в

⁷ Global flow of tertiary-level mobile students, 2022, URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (дата обращения: 15.02.2022).

⁸ Global flow of tertiary-level mobile students, 2022, URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (дата обращения: 15.02.2022).

Польшу увеличивалось даже во время пандемии: с 65 тыс. в 2019 году до 78 тыс. в 2020-м [60]. К середине 2021 года 0,5 % населения покинули Республику Беларусь по политическим и экономическим причинам, выехав главным образом в Литву, Латвию, Польшу, Украину и Россию [18].

Запрет Евросоюза на полеты белорусской авиакомпании «Белавиа» в европейские города с конца мая 2021 года неожиданно спровоцировал миграционный кризис на границе Беларуси и Польши, Беларуси и Литвы, то есть на восточных рубежах Евросоюза⁹. Авиакомпания «Белавиа» была вынуждена переориентировать маршруты с Запада на страны Ближнего Востока (Ирак, Сирию, Турцию), что увеличило приток транзитных мигрантов под видом туристов. На восточных рубежах Евросоюза возникли несанкционированные лагеря незаконных мигрантов, пытавшихся пересечь границу и попасть в Германию. Миграционный кризис спровоцировал отставку правительства в Литве в июле 2021 года¹⁰. Также началось строительство стены вдоль границы с Беларусью со стороны ее европейских соседей¹¹. Данные события ужесточили контроль государственной границы Евросоюза на восточных рубежах и обострили политические отношения с Республикой Беларусь.

Миграционная политика Российской Федерации в данный период имела особенности. В течение пандемии (2020 год — начало 2022 года) президент РФ неоднократно продлевал сроки действия патентов и документов на пребывание в стране иностранным гражданам. Многие эксперты считали эту меру самой действенной помощью трудовым мигрантам, ставшим одной из наиболее уязвимых социальных групп во время пандемии. Однако в конце 2021 года, несмотря на острую нехватку трудовых ресурсов, усугубленную пандемией, начался очередной виток ужесточения миграционных процедур. С 29 декабря 2021 года в России вводится обязательная дактилоскопия трудовых мигрантов по месту пребывания, усложняются правила медицинского освидетельствования — проходить медосмотр требуется каждые три месяца¹². Пока эти правила не коснулись граждан Беларуси, но усложнили положение трудовых мигрантов из Украины и Молдовы. Как показывают исследования, ужесточения в области трудовой миграции приводят к уходу большей части мигрантов в тень и росту коррупции [61; 62]. В результате мигранты из Украины, Беларуси и Молдовы, имея выбор для миграции, могут переориентироваться на страны Евросоюза с более понятным миграционным законодательством.

Пока страны еще не полностью побороли COVID-19 и ликвидировали его последствия. В настоящее время ВОЗ считает, что разновидности болезни для людей, прошедших вакцинацию, не представляют значительной опасности для жизни. В связи с этим с февраля 2022 года многие страны начали открывать границы, постепенно восстанавливаются миграционные связи.

⁹ ЕС закрыл небо для Беларуси из-за инцидента с самолетом Ryanair, 2021, *BBC*, 24—25 мая 2021, URL: <https://www.bbc.com/russian/news-57358491> (дата обращения: 15.02.2022).

¹⁰ Штурм Вильнюса и отставка правительства: к чему ведет миграционный кризис в Литве, 2021, *Rubaltic*, URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/20210728-shturm-vilnyusa-i-otstavka-pravitelstva-k-chemu-vedet-migratsionnyy-krizis-v-litve/> (дата обращения: 15.02.2022).

¹¹ Миграционный кризис на границе Беларуси: польские пограничники стреляют в воздух, Лукашенко грозит перекрыть газ, 2021, *BBC*, 11 ноября, <https://www.bbc.com/russian/news-59250538> (дата обращения: 15.02.2022).

¹² Поправки в закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», в закон от 25.07.1998 г. № 128-93 «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», а также в закон от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

россиян¹⁶. В Латвии открыта визы для инвесторов: с 2010 по 2017 год было выдано более 17 000 виз. Она позволяет инвесторам из-за пределов Евросоюза получить вид на жительство в обмен на определенный уровень инвестиций (недвижимость, акционерный капитал, кредитное учреждение). Подавляющее большинство получателей (около 70 %) были россиянами, за ними следуют китайцы и украинцы (по 8 %) ¹⁷. Для жителей определенных стран¹⁸ с латвийскими корнями возможно получение второго гражданства.

Демографическая ситуация в Литве неблагоприятная, как и в других странах Балтии¹⁹. Но модели миграции в Литве в последнее время начали меняться. В 2018 году эмигрировали 32 200 жителей Литвы, что на 33 % меньше, чем в 2017-м. В 2018 году в Литву иммигрировали 28 900 человек. Из них 57 % — вернувшиеся граждане Литвы. Почти половину иностранных иммигрантов составляли украинцы, 26 % — белорусы и 6 % — граждане России. По сравнению с 2017 годом в 2018 году количество иммигрантов в западном направлении из Украины увеличилось на 32 %, из Беларуси — на 20 %, а граждан России — на 19 % [31]. В Литве разработан План действий по интеграции иностранцев в литовское общество на 2018—2020 годы. (The Action Plan for Integration of Foreigners in Lithuanian Society 2018—2020). Последняя Стратегия демографической, миграционной и интеграционной политики на 2018—2030 годы была принята в сентябре 2018 года²⁰. Основная ее цель — обеспечить положительное сальдо миграции, поощрить возвратную миграцию и привлечь иностранных рабочих для удовлетворения спроса рынка труда [29].

Около 15 % жителей Эстонии родились в других странах (Population Census, 2011) [64]. Большинство иммигрантов прибыли в советский период из России, Украины и Беларуси [65; 66]. Однако вопрос иммигрантов в стране очень болезненный. Эстонская иммиграционная политика применяет систему квот для граждан третьих стран, хотя правила стали более либеральными в последние десятилетия из-за нехватки рабочей силы. Усилия по возвращению высококвалифицированных специалистов также поддержаны инициативой «Возвращение талантов» («Bringing Talent Home»). Международный дом Эстонии («International House Estonia») — агентство, которое помогает вновь прибывшим в обустройстве, а инициатива «Career Hunt» предусматривает полностью оплачиваемую поездку в Эстонию для IT-специалистов, желающих переехать в страну [67]. Хотя есть признаки растущего притока новых иммигрантов, Эстония скорее балансирует вокруг нулевой чистой миграции [68].

Заключение

Экономическая и политическая конкуренция за население стран западного приграничья двух миграционных подсистем Европы в условиях старения населения и демографического кризиса между странами ЦВЕ и Россией за 30 лет возростала.

¹⁶ LR Saeima, 2018, *Imigrācijas loma darbspēka nodrošinājumā Latvijā. Sintēzes ziņojums*, URL: https://www.saeima.lv/petijumi/Imigrācijas_loma_darbspēka_nodrosinajums_Latvija-2018_aprilis.pdf (дата обращения: 03.05.2020).

¹⁷ OCCRP, 2018, *Latvia's Once Golden Visas Lose their Shine — But Why?* 5 March, URL: <https://www.occrp.org/en/goldforvisas/latvias-once-golden-visas-lose-their-shine-but-why> (дата обращения: 03.05.2020).

¹⁸ Например, США, Великобритании, Австралии и некоторых стран ЕС.

¹⁹ Population on first January by age, sex and type of projection [proj_15nps], 2019, Eurostat Database, URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 05.02.2019).

²⁰ Strategy for the Demographic, Migration, and Integration Policy for 2018—2030, 2018, Seimas, 20 September 2018, URL: https://www.lrs.lt/sip/portal.show?p_r=119&p_k=2&p_t=260865 (дата обращения: 05.02.2019).

Ситуация складывается не в пользу России. Кризис в отношениях России и Украины может привести к переориентации населения Украины, Молдовы и Беларуси в сторону стран ЕС.

Россия делает ставку в миграционной политике, как и балтийские страны, на соотечественников и на образовательную миграцию. Хотя так же эффективной для решения демографических и социально-экономических проблем может быть и стратегия превращения временной трудовой миграции в циркулярную миграцию, для чего есть все предпосылки и ресурсы в России.

Сложная социально-демографическая и политическая ситуация отмечается в западных странах постсоветского пространства — Украине, Молдове и странах Балтии. Однако страны Балтии показывают высокие темпы роста ВВП ввиду улучшения их социально-экономического благосостояния и будут становиться более привлекательными для трудовых и вынужденных мигрантов из этих стран. Это в перспективе затормозит эмиграционные потери населения.

В страны Балтии трудовые мигранты едут в основном из стран бывшего СССР, с которыми сохранились связи, несмотря на формальное желание Литвы, Латвии и Эстонии «отгородиться» и стать частью Запада. Исторические корни и память работают с обеих сторон. Существование русскоязычного пространства в них является привлекательным фактором. Также в Балтийском регионе постепенно нарастает миграционный поток и из других стран доноров, например Центральной Азии, Молдовы, Украины и Беларуси.

Иммиграционные процессы, центром которых продолжала оставаться Российская Федерация, в условиях проведения современной достаточно жесткой иммиграционной политики без ее пересмотра не смогут обеспечить сколько-нибудь существенный общий прирост численности населения. Переориентация миграционных потоков из стран западной части бывшего СССР на западное направление продолжит оказывать влияние на трансформацию как этнического, так и социального, профессионального, и конфессионального состава российского населения.

В то же время европейские страны, в первую очередь наиболее экономически развитые страны ЕС, могут все более уверенно ориентироваться на приток трудовых ресурсов высокого образовательного и профессионального уровня из Украины и Беларуси, особенно в ситуации наплыва ищущих убежище из этих стран. Такой характер миграционного обмена населением не является благоприятным, но зависит не только от характера мер миграционной политики, но и прежде всего от внутренней политической и социально-экономической ситуации в каждой из них и в России.

Наиболее распространенной формой миграционного поведения в докризисный период граждан Украины, Молдовы и Беларуси была систематическая, циркулярная миграция (главным образом на 3—6 месяцев) с целью работы в соседних странах. Тенденция к расширению географии выездов на работу за рубеж в период пандемии затормозилась. В условиях карантина поездки в соседние страны оказались более безопасными и легче осуществимыми. До пандемии 31 % трудовых мигрантов, работавших в Польше, декларировали заинтересованность в работе в Германии и других странах ЕС, где заработки существенно выше, тогда как ныне — только 19 %²¹.

Наибольшую эффективность для сокращения недокументированной трудовой миграции доказала либерализация миграционного законодательства в отношении мигрантов на территории стран приема (ковидная амнистия мигрантов). Это позволило не только легализовать положение иностранцев, обеспечить их законный

²¹ Через коронавірус мігранти в Польщі все менше думають про заробітки в Німеччині: дослідження, 2022, *Наш вибір*, URL: <https://naszwybir.pl/doslidzhennya-cherez-koronavirus-migranty-v-polshhi-vse-menshe-dumayut-pro-zarobitky-v-nimechchyni/> (дата обращения: 15.02.2022).

доступ на рынок труда, но и снизить криминальную и коррупционную составляющие процесса трудовой миграции и эксплуатацию мигрантов. Возврат к допандемийной ситуации межгосударственных миграционных связей точно не прогнозируется. Очевидно, что масштабы, направления и виды миграции полностью не восстановятся.

Другой сценарий развития межгосударственных миграционных связей может исходить из затянувшегося снижения уровня доходов домохозяйств трудовых мигрантов и неготовности внутренних экономик исправить эту ситуацию. В таком случае потребность в рабочих местах вне страны своего проживания усилится, и это подстегнет предложение рабочей силы из стран — экспортеров этой силы. Будет ли так же высок спрос на рабочую силу в странах-импортерах? И насколько совпадет структура спроса на определенные профессии с предложением со стороны мигрантов. От этого будет зависеть трансформация инструментов и механизмов миграционной политики во всех странах-партнерах. Оба сценария и развитие по каждому из них необходимо учитывать всем странам приграничья в Восточной Европе, а также России и Евросоюзу в своей государственной миграционной политике.

В ситуации специальной военной операции противостояния России на Украине около 5 млн вынужденных мигрантов из Украины оказались в основном в странах ЕС,²² меняется вся система миграционных потоков в Европейской части постсоветского пространства. К сожалению, непредсказуемое развитие и результаты настоящего кризиса в отношениях России и Украины не позволяют делать прогнозы о его последствиях, в том числе и по развитию миграционной ситуации в регионе и рекомендациям в отношении реализации миграционной политики. Архитектура взаимоотношений и связей этих стран в настоящее время претерпевает значительные изменения.

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Список литературы

1. Houtum, H. 2008, *The War Against Unwanted Immigrants: EU's Border Machine in Challenges of Global Migration: EU and its Neighborhood*, Ankara, KORA & METU.
2. Massey, D., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, E. 1993, Theories of International Migration: A Review and Appraisal, *Population and Development Review*, vol. 19, № 3, p. 431 — 466.
3. Massey, D., Arango J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, E. 1998, *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*, Oxford, Oxford University Press.
4. Fawcett, J., Arnold, F. 1987, Explanation Diversity: Asia and Pacific Immigration Systems. In: Fawcett, J., Carino, B. (eds.), *Pacific Bridges: The New Immigration from Asia and the Pacific Islands*, New York, Center for Migration Studi.
5. Gurak, D. T., Caces, F. E. 1992, Migration networks and the shaping of migration systems. In: Kritz, M. M., Lim, L. L., Zlotnik, H. (eds.), *International Migration System. A Global Approach*, Oxford. Clarendon Press, p. 150 — 175.
6. Kritz, M. M., Lim, L. L., Zlotnik, H. (eds.) (1992), *International Migration System: A Global Approach*, Oxford, Clarendon Press.
7. Massey, D., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, E. 1998, *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*, Oxford, Oxford University Press.

²² Из других стран 549 805 прибыли в Россию, 426 964 — в Республику Молдова и 23 759 — в Беларусь UNHCR. Operational data portal. Ukraine refugee situation, URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/ukraine/location?secret=unhcrrestricted> (дата обращения: 19.04.2022).

8. Zlotnik, H. 1998, The Dimensions of International Migration: International Migration Levels, Trends and What Existing Data Systems Reveal, *Technical Symposium on International Migration and Development*, The Hague, Netherlands, 29 June-3 July.
9. De Haas, H. 2007, Remittances, Migration and Social Development A Conceptual Review of the Literature United Nations Research Institute for Social Development, *Social Policy and Development Programme*, Paper № 34, October 2007, 46 p.
10. Canales, A., Mendoza, C. 2001, Migration, Remittances and Local Development in Mexico, Report, *XXIVth IUSSP General Population Conference*, Salvador, Brazil, August 2001.
11. Zlotnik, H. 1992, Empirical identification of international migration systems. In: Kritz, M., Lean, L., Zlotnik, H. (eds.), *International Migration Systems. A Global Approach*, Oxford, Clarendon Press.
12. Stark, O., Edward Taylor, J. 1991, Migration Incentives, Migration Types: The Role of Relative Deprivation, *The Economic Journal*, vol. 101, №408, September, p. 1163—1178. <https://doi.org/10.2307/2234433>.
13. Ivakhnyuk, I. 2008, *Eurasian migration system — theory and practice*, Moscow, MAKS Press.
14. Ivakhniouk, I., Iontsev, V. 2005, Russia — EU: Interactions within the Reshaping European Migration Space. In: Slany, K. (ed.), *International Migration. A Multidimensional Analysis*, AGH University of Science and Technology Press, Cracow, p. 217—250.
15. Рязанцев, С. В., Письменная, Е. Е., Воробьева, О. Д. 2020, Евразийский миграционный коридор: теоретические аспекты, оценки масштабов и ключевые характеристики, *Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право*, №4, с. 5—18.
16. Duvell, F., Haas, H., Collier, M., Molodikova, I. 2014, Introduction. In: Duvell, F., Collier, M., Molodikova, I. (eds.), *Transit Migration in Europe*, Amsterdam University Press.
17. De Haas, H. 2009, *Migration System Formation and decline. A theoretical inquiry into the self-perpetuation and self-undermining dynamics of migration processes*, Working paper 19, International Migration Institute, Oxford.
18. Тихонова, Л. Е., Масленкова, Е. В. 2021, Диагностика проблемных компонентов международной миграции в республике Беларусь, Миграционные мосты в Евразии, Сб. трудов XII Международного научно-практического форума, Москва, Изд-во «Знание-М», с. 108—119.
19. De Haas, H., Czaika, M., Flahaux, E., Mahendra, M.-L., Natter, K., Vezzoli, S., Villares-Varela, M. 2019, International Migration: Trends, Determinants, and Policy Effects, *Population and Development Review*, vol. 45, №4, p. 885—922.
20. De Haas, H., Natter, K., & Vezzoli, S. 2018, Growing restrictiveness or changing selection? The nature and evolution of migration policies. *The International Migration Review*, vol. 52, №2, p. 324—367. <https://doi.org/10.1111/imre.12288>.
21. Малиновская, Е. А. 2013, Внешние миграции населения Украины периода независимости. Два с лишним десятка лет трансформаций, *Демоскоп Weekly*, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0563/demoscope563.pdf> (дата обращения: 15.01.2021).
22. Tishkov, V., Zaionchkovskaya, Zh., Vitkovskaya, G. 2005, The Global Commission on International Migration: “Migrations in the Countries of the Former Soviet Union, *Report of the Global Commission on International Migration ‘Migration in the Interconnected World: New Directions for Action*, Geneva, IOM.
23. Tammur, A. 2017, Native and foreign-origin population in Estonia, *Quarterly Bulletin of Statistics Estonia*, vol. 1, no.17.
24. Ainsaar, M., Stankuniene, V. 2011, Demographic costs of transition and the future of the Baltics. In: Lauristin, M. (ed.), *Estonian human development report. Baltic way(s) of human development: Twenty years on*, p. 44—51, Tallinn, Eesti Koostöökogu.
25. MPC — *MIGRATION PROFILE Belarus*, 2013, The Demographic-Economic Framework of Migration The Legal Framework of Migration The Socio-Political Framework of Migration, URL: https://migrationpolicycentre.eu/docs/migration_profiles/Belarus.pdf (accessed 15.02.2022).
26. Воробьева, О. Д., Рыбаковский, Л. Л., Рыбаковский, О. Л. 2016, *Миграционная политика России: история и современность*, М., Изд-во «Экон-Информ», 192 с.

27. Molodikova, I. 2017, Russian policy toward compatriots: Global, regional and local approach. In: Nikolko, M., Carment D. (eds.), *Post-Soviet Migration and Diasporas: from global perspective to everyday practices*, UK, Palgrave Macmillan, p.143—165.
28. Lazutka, R., Navicke, Je. 2020. In: Lafleur, J.-M., Vintila, D. (eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond*, vol. 1, IMISCOE Research Series, p. 271. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_18.
29. Thaut, L. 2009, EU integration & emigration consequences: The case of Lithuania, *International Migration*, vol. 47, №1, p. 191.
30. Gudavičius, S. 2019, Gyventojų skaičiaus mažėjimas sulėtėjo, Lietuvoje — 2,8 mln. žmonių [The slowdown of the decreasing population number. 2.8 mln. people in Lithuania], *Verslo žinios*, 2019, 01—11, URL: <https://www.vz.lt/verslo-aplinka/2019/01/11/gyventoju-skaiciaus-mazejimas-suletejo-lietuvoje%2D%2D28-mln-zmoniu#ixzz5iQ28u9bu> (accessed 15.02.2022).
31. Зайончковская, Ж. 2007, Почему необходима иммиграционная политика? В: Зайончковская, Ж., Молодикова, И., Мукомель, В. (ред.). *Методология и методика изучения миграционных процессов*, Москва, Центр Миграционных исследований, с. 114—141.
32. Воробьева, О. 2001, *Миграционная политика, Миграция населения*, приложение к журналу «Миграция в России», Москва, выпуск 6.
33. Malinovska, O. 2003, Labour Migration in Ukraine: what has changed in 10 years? In: Zaionchnovskaya, Z., Moshnuaga, V. (eds.), *Labour migration and protection of migrant workers' rights. Practice in post-communist countries*, Chisinau.
34. Mosneaga, V. 2007, "Regulation of labor migration in Republic of Moldova: main stages and peculiarities", *Moldoscopia (Probleme de analiza politica)*, Chisinau, Moldova, 1(XXXVI).
35. Zaionchkovskaya, Zh. 2005, Labour Migration in CIS Countries: the Remedy Against the Economic Crisis. In: *Migration, Social and Intercultural Aspects of Sustainable Development*, p. 159—165, Conference paper, Moscow.
36. Molodikova, I., Nagy, Z. 2003, Hungary in the context of European Economic migration, *Migracijske i etnicke teme Journal*, Zagreb.
37. ICMPD, 2007, *2006 Year book on Illegal Migration, Smuggling and Trafficking in Central and Eastern Europe*. Vienna, International Centre for Migration Policy Development.
38. Clandestino Divinský, B. 2008, *Undocumented Migration, Country report: Slovak Republic*, Clandestino.
39. Molodikova, I. 2018, Russian Federation (2018), *Global review of migrant smuggling data and research*, vol. II, IOM/UN.
40. Molodikova, I. 2018, Eurasian Migration towards Russia: Regional Dynamics in the era of Globalisation. In: Triandafyllidou, A. (ed.), *Handbook on Migration and Globalisation*, Edward Elgar, Cheltenham, UK, p. 334—359.
41. Зайончковская, Ж., Мкртчян, Н. 2007, *Внутренняя миграция в России: правовая практика» серия «Миграционная ситуация в регионах России»*, Выпуск 4, Центр миграционных исследований, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, М., 84 с.
42. Tammur, A. 2017, Native and foreign-origin population in Estonia, *Quarterly Bulletin of Statistics Estonia*, №1 (17).
43. Molodikova, I., Nagy, Z. 2003, Hungary in the context of European Economic migration, *Migracijske I Ethnicke Teme Journal*, Zagreb, Croatia, №4, p. 145—160.
44. Czaika, M., de Haas, H. 2015, The Globalization of Migration: Has the World Become More Migratory, *International Migration Review*, vol. 48, №2, p. 283—323. <https://doi.org/10.1111/imre.12095>.
45. Christiansen, T., Jorgensen, K. E. 2000, Transnationa. Governance 'above' and 'below' the state: The changing nature of border in the new Europe, *Regional and Federal Studies*, vol. 10, no. 2, p. 62—77.
46. Geiger, M. 2008, International Actors and the Emergence of a Pan-European Migration Regime: Institutional Development in Albania and Ukraine. In: Ayse Gunes Ayata (ed.), *Challenges of Global Migration: EU and its Neighbourhood*, KORA/METU, GLOMOG Project Policy papers, Ankara, Turkey, p. 94.
47. Зайончковская, Ж., Тюрюканова, Е. (ред.) 2010, *Миграция и демографический кризис*, Москва, Центр миграционных исследований РАН.

48. Ryazantsev, S., Pismennaya, E. 2012, Russian Diaspora: Formation, Identity and Assimilation, *Latinidade. Revista do Nucleo de Estudos das Americas*, vol. 3, no. 2, p. 165—176.
49. Górný, A., Kaczmarczyk, P. 2018, A Known but Uncertain Path: The Role of Foreign Labour in Polish Agriculture, *Journal of Rural Studies*, <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2017.12.015>.
50. Okólski, M. (eds.) 2012, *European Immigrations: Trends, Structures and Policy Implications*, Amsterdam University Press.
51. Kałuża-Kopias, D. 2016, *Imigranci na polskim rynku pracy według statystyk MPiPS*, Studia Ekonomiczne, Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego w Katowicach, № 258, p. 17—28.
52. Малиновская, А. 2021, Українське студентство в Польщі: політики залучення, інтеграції та мотивація і плани студентів, *Cedos*, URL: <https://cedos.org.ua/researches/ukrainski-studenty-v-polshchchipolityky-zaluchennia-intehratsii-ta-motyvatyia-i-planu-studentiv/> (дата обращения: 14.01.2022).
53. Kamenska, A., Tumule, Je. 2020, Migrants' Access to Social Protection in Latvia. 2020. In: Lafleur, J.-M., Vintila, D. (eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond*, vol. 1, IMISCOE Research Series. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_17257.
54. Libanova, E. M., Pozniak, O. V. 2020, External labor migration from Ukraine: the impact of COVID-19, *Demography and Social Economy*, № 4 (42), p. 28.
55. Migration in Ukraine. Facts and Figures, 2021, IOM Ukraine.
56. Ворона, В. М., Шульга, М. О. 2019, Украинское суспільство: моніторинг соціальних змін, Випуск 6(20), Київ, Інститут соціології НАН України, с. 14.
57. Pozniak O. 2016, Otsynuyannya naslidkiv zovnishnoyi trudovoyi mihratsiyi v Ukrayin Di emohrafiia ta sotsialna ekonomika, vol. 2 (27), № 169—182.
58. Kazantseva, O. 2015, Sovremennye migratsionnye processy v Moldova: trendy i vizovy. In: *Contemporary Migration Processes: current state and main forms*, Tiraspol, IOM.
59. Geciene-Janulione, I. 2020, Impact of remigration on the work sphere under COVID-19: the case of Lithuania, *Balt. Reg.*, vol. 12, № 4, p. 103—127. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-6>.
60. Kaźmierkiewicz, P., Kulesa, A. 2021, Short-term labour immigration 2010—2019. In: Kaźmierkiewicz, P., Kulesa, A. (eds.), *In search of new opportunities: Circular migration between Belarus and Poland, Slovakia and the Czech Republic — state of play and prospects for cooperation*, Center for Social and Economic Research, Warsaw, URL: https://www.case-research.eu/files/?id_plik=6646 (дата обращения: 15.01.2022).
61. Зайончковская, Ж., Мкртчян, Н., Тюрюканова, Е. 2008, Россия перед вызовами иммиграции, Москва, ИНХП РАН.
62. Molodikova I. 2020, Combating irregular migration and human trafficking in the CIS countries, Analytical report Prague process, International Centre for Migration Policy Development (ICMPD), Vienna, URL: <https://www.pragueprocess.eu/en/migration-observatory/publications/document?id=250> (accessed 15.02.2022).
63. Birka, I. 2019, Latvia's population could shrink by 22 percent, Lithuania and Estonia could decline by 17 percent and 13 percent, respectively, UN Population Division forecast by 2050.
64. Ainsaar, M., Roots, A. 2020, Migrants' Access to Social Protection in Estonia 137—149. In: Lafleur, J.-M., Vintila, D. (eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond*, vol. 1, IMISCOE Research Series. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_9.
65. Ainsaar, M., & Stankuniene, V. (2011). Demographic costs of transition and the future of the Baltics. In M. Lauristin (ed.), *Estonian human development report. Baltic way(s) of human development: Twenty years on* (pp. 44—51). Tallinn: Eesti Koostöökoogu.
66. Ainsaar, M., Rootalu, K. 2016, European demographic change and welfare challenges. In: Schubert, K., de Villota, P., Kuhlmann, J. (eds.), *Challenges to European welfare systems*, Heidelberg, Springer, p. 793—806.
67. Архангельский, В. Н., Бардакова, Л. И., Безвербный В. А. и др., 2021, Демографическое развитие постсоветских стран (1991—2021): тренды, демографическая политика, перспективы, Рязанцев, С. В., Аналитический доклад, ФНИСЦ РАН, М., ИТД «Перспектива», 200 с.
68. Sakkeus, L. 1994, The Baltic states. In: Ardittis, S. (ed.), *The Politics of East-West Migration*, p. 68—85.

Об авторах

Сергей Васильевич Рязанцев, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия; профессор кафедры международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов, Россия; заведующий кафедрой демографической и миграционной политики, МГИМО МИД России, Россия.

E-mail: riazan@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5306-8875>

Ирина Николаевна Молодикова, кандидат географических наук, научный сотрудник факультета экологии и экологической политики, руководитель программы «Миграция и безопасность на постсоветском пространстве», Центрально-европейский университет, Австрия.

E-mail: molodiko@ceu.edu

<https://orcid.org/0000-0001-8926-9679>

Ольга Дмитриевна Воробьева, доктор экономических наук, профессор кафедры демографии, МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия; главный научный сотрудник, Институт демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН, Россия.

E-mail: 89166130069@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1304-3715>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

BETWEEN THE EURASIAN AND EUROPEAN SUBSYSTEMS: MIGRATION AND MIGRATION POLICY IN THE CIS AND BALTIC COUNTRIES IN THE 1990s—2020s

S. V. Ryazantsev^{1, 2, 3}

I. N. Molodikova⁵

O. D. Vorobeveva^{2, 4}

¹ RUDN University
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

² Institute for Demographic Research Federal Centre for Theoretical and Applied Sociology Russian Academy of Sciences
6 Fotievoy St. Moscow, 119333, Russia

³ MGIMO-University
76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia

⁴ Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

⁵ Central European University 51,
Quellenstraße, Vienna, 1100, Austria

Received 20.03.2022

doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-8

© Ryazantsev, S. V., Molodikova, I. N.,
Vorobeveva, O. D., 2022

The article analyses migration from border countries (the so-called overlapping area) of two migration subsystems — Eurasian (centred in the Russian Federation) and European (the European Union) from 1991 to 2021 (before the recent events in Ukraine). A step-by-step analysis of the migration situation in the countries of the former USSR — Belarus, Latvia, Lithuania, Moldova, Ukraine and Estonia was conducted. The article examines bilateral and multilateral migration processes, analyses the main factors influencing their development and explores migration policy measures and their impact on the regulation of migration processes in the countries of the overlapping area. These countries, located between the two centres of major migration subsystems in Eurasia (Eurasian and European, or, in other words, between the Russian Federation and the core of the EU), are subject to their strong influence and ‘competitive gravitation’. The strength of this gravitation depends not only on pull and push factors but also on the attractiveness and non-attractiveness of the migration policies prevailing in these migration subsystems at a given point in time.

Keywords:

migration subsystems, migration processes, migration policy

References

1. Houtum, H. 2008, *The War Against Unwanted Immigrants: EU's Border Machine in Challenges of Global Migration: EU and its Neighborhood*, Ankara, KORA & METU.
2. Massey, D., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, E. 1993, Theories of International Migration: A Review and Appraisal, *Population and Development Review*, vol. 19, № 3, p. 431—466.
3. Massey, D., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, E. 1998, *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*, Oxford, Oxford University Press.
4. Fawcett, J., Arnold, F. 1987, Explanation Diversity: Asia and Pacific Immigration Systems. In: Fawcett, J., Carino, B. (eds.), *Pacific Bridges: The New Immigration from Asia and the Pacific Islands*, New York, Center for Migration Studi.
5. Gurak, D. T., Caces, F. E. 1992, Migration networks and the shaping of migration systems. In: Kritz, M. M., Lim, L. L., Zlotnik, H. (eds.), *International Migration System. A Global Approach*, Oxford. Clarendon Press, p. 150—175.
6. Kritz, M. M., Lim, L. L., Zlotnik, H. (eds.) 1992, *International Migration System: A Global Approach*, Oxford, Clarendon Press.
7. Massey, D., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, E. 1998, *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*, Oxford, Oxford University Press.
8. Zlotnik, H. 1998, The Dimensions of International Migration: International Migration Levels, Trends and What Existing Data Systems Reveal, *Technical Symposium on International Migration and Development*, The Hague, Netherlands, 29 June-3 July.
9. De Haas, H. 2007, Remittances, Migration and Social Development A Conceptual Review of the Literature United Nations Research Institute for Social Development, *Social Policy and Development Programme*, Paper № 34, October 2007, 46 p.
10. Canales, A., Mendoza, C. 2001, Migration, Remittances and Local Development in Mexico, Report, *XXIVth IUSSP General Population Conference*, Salvador, Brazil, August 2001.
11. Zlotnik, H. 1992, Empirical identification of international migration systems. In: Kritz, M., Lean, L., Zlotnik, H. (eds.), *International Migration Systems. A Global Approach*, Oxford, Clarendon Press.
12. Stark, O., Edward Taylor, J. 1991, Migration Incentives, Migration Types: The Role of Relative Deprivation, *The Economic Journal*, vol. 101, №408, September, p. 1163—1178. doi: <https://doi.org/10.2307/2234433>.
13. Ivakhnyuk, I. 2008, *Eurasian migration system — theory and practice*, Moscow, MAKS Press.
14. Ivakhniouk, I., Iontsev, V. 2005, Russia — EU: Interactions within the Reshaping European Migration Space. In: Slany, K. (ed.), *International Migration. A Multidimensional Analysis*, AGH University of Science and Technology Press, Cracow, p. 217—250.
15. Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E., Vorobieva, O. D. 2020, Eurasischer Migrationskorridor: Theoretische Aspekte, Skalenschätzungen und Schlüsselmerkmale, *Nauchnoe obozrenie. Serih ya 1. Ekonomika i pravo*, № 4, p. 5—18 (in Russ.).

16. Duvell, F., Haas, H., Coller, M., Molodikova, I. 2014, Introduction. In: Duvell, F., Coller, M., Molodikova, I. (eds.), *Transit Migration in Europe*, Amsterdam University Press.
17. De Haas, H. 2009, *Migration System Formation and decline. A theoretical inquiry into the self-perpetuation and self-undermining dynamics of migration processes*, Working paper 19, International Migration Institute, Oxford.
18. Tikhonova, L.E., Maslenkova, E.V. 2021, Diagnosis of problematic components of international migration in the Republic of Belarus, *Migratsionnye mosty v Evrazii* [Migration bridges in Eurasia], Sat. Proceedings of the XII International Scientific and Practical Forum, Moscow, Znanie-M Publishing House, p. 108–119 (in Russ.).
19. De Haas, H., Czaika, M., Flahaux, E., Mahendra, M.-L., Natter, K., Vezzoli, S., Vilaires-Va-rela, M. 2019, International Migration: Trends, Determinants, and Policy Effects, *Population and Development Review*, vol. 45, № 4, p. 885–922.
20. De Haas, H., Natter, K., & Vezzoli, S. 2018, Growing restrictiveness or changing selection? The nature and evolution of migration policies. *The International Migration Review*, 52(2), 324–367. <https://doi.org/10.1111/imre.12288>.
21. Malinovskaya, E.A. 2013, Vneshnie migratsii naselenia Ukraini perioda nezavisimosti. Dva s lishnim desiatka let transformatsii, *Демоскоп Weekly*, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0563/demoscope563.pdf> (accessed 15.01.2021).
22. Tishkov, V., Zaionchkovskaya, Zh., Vitkovskaya, G. 2005, The Global Commission on International Migration: "Migrations in the Countries of the Former Soviet Union, *Report of the Global Commission on International Migration 'Migration in the Interconnected World: New Directions for Action*, Geneva, IOM.
23. Tammur, A. 2017, Native and foreign-origin population in Estonia, *Quarterly Bulletin of Statistics Estonia*, vol. 1, № 17.
24. Ainsaar, M., Stankuniene, V. 2011, Demographic costs of transition and the future of the Baltics. In: Lauristin, M. (ed.), *Estonian human development report. Baltic way(s) of human development: Twenty years on*, p. 44–51, Tallinn, Eesti Koostöökogu.
25. MPC – MIGRATION PROFILE Belarus, 2013, The Demographic-Economic Framework of Migration The Legal Framework of Migration The Socio-Political Framework of Migration, URL: https://migrationpolicycentre.eu/docs/migration_profiles/Belarus.pdf (accessed 15.02.2022).
26. Vorobieva, O.D., Rybakovsky, L.L., Rybakovsky, O.L. 2016, *Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost* [Migrationspolitik Russlands: Geschichte und Moderne], M., Ekon-Inform, 192 p.
27. Molodikova, I. 2017, Russian policy toward compatriots: Global, regional and local approach. In: Nikolko, M., Carment D. (eds.), *Post-Soviet Migration and Diasporas: from global perspective to everyday practices*, UK, Palgrave Macmillan, p.143–163.
28. Lazutka, R., Navicke, Je. 2020. In: Lafleur, J.-M., Vintila, D. (eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond*, vol. 1, IMISCOE Research Series, p. 271. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_18.
29. Thaut, L. 2009, EU integration & emigration consequences: The case of Lithuania, *International Migration*, vol. 47, № 1, p. 191.
30. Gudavičius, S. 2019, Gyventojų skaičiaus mažėjimas sulėtėjo, Lietuvoje – 2,8 mln. žmonių [The slowdown of the decreasing population number. 2.8 mln. people in Lithuania], *Verslo žinios*, 2019, 01–11, URL: <https://www.vz.lt/verslo-aplinka/2019/01/11/gyventoju-skaičiaus-mazejimassuletejo-lietuvoje%2D%2D28-mln-zmoniu#ixzz5iQ28u9bu> (accessed 15.02.2022).
31. Zaionchkovskaya, J. 2007, Why is immigration policy necessary? In: Zaionchkovskaya, Zh., Molodikova, I., Mukomel, V. (eds.), *Metodologiya i metodika izucheniya migratsionnykh protsessov* [Methodology and methods of studying migration processes], Moscow, Center for Migration Studies, p. 114–141 (in Russ.).
32. Vorobieva, O. 2001, Migration policy, Migration of the population, supplement to the journal, *Migratsiya v Rossii* [Migration in Russia], Moscow, № 6 (in Russ.).
33. Malinovska, O. 2003, Labour Migration in Ukraine: what has changed in 10 years? In: Zaionchnovskaya, Z., Moshnuaga, V. (eds.), *Labour migration and protection of migrant workers' rights. Practice in post-communist countries*, Chisinau.
34. Mosneaga, V. 2007, "Regulation of labor migration in Republic of Moldova: main stages and peculiarities", *Moldoscopie (Probleme de analiza politica)*, Chisinau, Moldova, 1 (XXXVI).
35. Zaionchkovskaya, Zh. 2005, Labour Migration in CIS Countries: the Remedy Against the Economic Crisis. In: *Migration, Social and Intercultural Aspects of Sustainable Development*, p. 159–165, Conference paper, Moscow.
36. Molodikova, I., Nagy, Z. 2003, Hungary in the context of European Economic migration, *Migracijske i etnicke teme Journal*, Zagreb.

37. ICMPD, 2007, *2006 Year book on Illegal Migration, Smuggling and Trafficking in Central and Eastern Europe*. Vienna, International Centre for Migration Policy Development.

38. Clandestino Divinský, B. 2008, *Undocumented Migration, Country report: Slovak Republic*, Clandestino.

39. Molodikova, I. 2018, Russian Federation (2018), *Global review of migrant smuggling data and research*, vol. II, IOM/UN. In: Triandafyllidou, A. (ed.), *Handbook on Migration and Globalisation*, Edward Elgar, Cheltenham, UK, p. 334–359.

40. Molodikova, I. 2018, Eurasian Migration towards Russia: Regional Dynamics in the era of Globalisation. In: Triandafyllidou, A. (ed.), *Handbook on Migration and Globalisation*, Edward Elgar, Cheltenham, UK, p. 334–359.

41. Zayonchkovskaya, Zh., Mkrtychyan, N. 2007, *Vnutrennyaya migratsiya v Rossii: pravovaya praktika» seriya «Migratsionnaya situatsiya v regionakh Rossii»* [Internal Migration in Russia: Legal Practice, Migration Situation in Russia's Regions series], Center for Migration Research, Institute of Economic Forecasting RAS, M., 84 p.

42. Tammur, A. 2017, Native and foreign-origin population in Estonia, *Quarterly Bulletin of Statistics Estonia*, № 1 (17).

43. Molodikova, I., Nagy, Z. 2003, Hungary in the context of European Economic migration, *Migracijske I Etnicke Teme Journal*, Zagreb, Croatia, № 4, p. 145–160.

44. Czaika, M., de Haas, H. 2015, The Globalization of Migration: Has the World Become More Migratory, *International Migration Review*, vol. 48, № 2, p. 283–323. <https://doi.org/10.1111/imre.12095>.

45. Christiansen, T., Jorgensen, K. E. 2000, Transnational Governance 'above' and 'below' the state: The changing nature of border in the new Europe, *Regional and Federal Studies*, vol. 10, no. 2, p. 62–77.

46. Geiger, M. 2008, International Actors and the Emergence of a Pan-European Migration Regime: Institutional Development in Albania and Ukraine. In: Ayse Gunes Ayata (ed.), *Challenges of Global Migration: EU and its Neighbourhood*, KORA/METU, GLOMOG Project Policy papers, Ankara, Turkey, p. 94.

47. Zayonchkovskaya, Zh., Tyuryukanova, E. (eds.) 2010, *Migratsiya i demograficheskii krizis* [Migration and the demographic crisis], Moscow, Center for Migration Research, Russian Academy of Sciences (in Russ.).

48. Ryazantsev, S., Pismennaya, E. 2012, Russian Diaspora: Formation, Identity and Assimilation, *Latinidade. Revista do Nucleo de Estudos das Americas*, vol. 3, no. 2, p. 165–176.

49. Górný, A., Kaczmarczyk, P. 2018, A Known but Uncertain Path: The Role of Foreign Labour in Polish Agriculture, *Journal of Rural Studies*, <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2017.12.015>.

50. Okólski, M. (eds.) 2012, *European Immigrations: Trends, Structures and Policy Implications*, Amsterdam University Press.

51. Kałuża-Kopias, D. 2016, *Imigranci na polskim rynku pracy według statystyk MPiPS*, Studia Ekonomiczne, Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego w Katowicach, № 258, p. 17–28.

52. Малиновская, А. 2021, Українське студентство в Польщі: політики залучення, інтеграції та мотивація і плани студентів, Cedoss, URL: <https://cedos.org.ua/researches/ukrain-ski-studenty-v-polshchi-polityky-zaluchennia-intehratsii-ta-motyvatyia-i-plany-studentiv/> (дата обращения: 14.01.2022).

53. Kamenska, A., Tumule, Je. 2020, Migrants' Access to Social Protection in Latvia. 2020. In: Lafleur, J.-M., Vintila, D. (eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond*, vol. 1, IMISCOE Research Series. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_17257.

54. Libanova, E. M., Pozniak, O. V. 2020, External labor migration from Ukraine: the impact of COVID-19, *Demography and Social Economy*, № 4 (42), p. 28.

55. Migration in Ukraine. Facts and Figures, 2021, IOM Ukraine.

56. Vorona, V. M., Shulga, M. O. 2019, Ukrainian Suspense: monitoring social changes, № 6 (20), Kyiv, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, p. 14 (in Ukr.)

57. Pozniak, O. 2016, Otsynuyvannya naslidkiv zovnishnoyi trudovoyi mihratsiyi v Ukraini, *Demohrafia ta sotsialna ekonomika*, № 2 (27), p. 169–182.

58. Kazantseva, O. 2015, Sovremennye migratsionnye processy v Moldova: trend ii vizovi. In: *Contemporary Migration Processes: current state and main forms*, Tiraspol, IOM. С. В. Рязанцев, И. Н. Молодикова, О. Д. Воробьева 143.

59. Geciene-Janulione, I. 2020, Impact of remigration on the work sphere under COVID-19: the case of Lithuania, *Balt. Reg.*, vol. 12, № 4, p. 103–127. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-6>.

60. Kaźmierkiewicz, P., Kulesa, A. 2021, Short-term labour immigration 2010—2019. In: Kaźmierkiewicz, P., Kulesa, A. (eds.), In search of new opportunities: Circular migration between Belarus and Poland, Slovakia and the Czech Republic — state of play and prospects for cooperation, Center for Social and Economic Research, Warsaw, URL: https://www.caseresearch.eu/files/?id_plik=6646 (дата обращения: 15.01.2022).

61. Zayonchkovskaya, Zh., Mkrtchyan, N., Tyuryukanova, E. 2008, *Rossiya pered vyzovami immigratsii* [Russia facing immigration challenges], Moscow, INCP RAS (in Russ.).

62. Molodikova, I. 2020, Combating irregular migration and human trafficking in the CIS countries, *Analytical report Prague process*, International Centre for Migration Policy Development (ICMPD), Vienna, URL: <https://www.pragueprocess.eu/en/migration-observatory/publications/document?id=250> (accessed 15.02.2022).

63. Birka, I. 2019, *Latvia's population could shrink by 22 percent, Lithuania and Estonia could decline by 17 percent and 13 percent*, respectively, UN Population Division forecast by 2050.

64. Ainsaar, M., Roots, A. 2020, Migrants' Access to Social Protection in Estonia 137—149. In: Lafleur, J.-M., Vintila, D. (eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond*, vol. 1, IMISCOE Research Series. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_9.

65. Ainsaar, M., Stankuniene, V. (2011). Demographic costs of transition and the future of the Baltics. In M. Lauristin (ed.), *Estonian human development report. Baltic way(s) of human development: Twenty years on* (pp. 44—51). Tallinn: Eesti Koostöökogu.

66. Ainsaar, M., Rootalu, K. 2016, European demographic change and welfare challenges. In: Schubert, K., de Villota, P., Kuhlmann, J. (eds.), *Challenges to European welfare systems*, Heidelberg, Springer, p. 793—806.

67. Arkhangelsky, V.N., Bardakova, L.I., Bezverbny V.A. at all, 2021, *Demograficheskoe razvitiye postsovetskikh stran (1991—2021): trendy, demograficheskaya politika, perspektivy* [Demographic development of the post-Soviet countries (1991—2021): trends, demographic policy, prospects], Ryazantsev, S. V., Analytical report, Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, M., ITD “Perspektiva”, 200 p. (in Russ.).

68. Sakkeus, L. 1994, The Baltic states. In: *Ardittis, S. (ed.), The Politics of East-West Migration*, p. 68—85.

The authors

Prof. Sergey V. Ryazantsev, Head of the Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO University, Russia; Director, Institute for Demographic Research, Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia; Professor, RUDN University, Russia.

E-mail: riazan@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5306-8875>

Dr Irina N. Molodikova, Research Fellow, Department of Environmental Science and Policy, Central European University, Austria.

E-mail: molodiko@ceu.edu

<https://orcid.org/0000-0001-8926-9679>

Prof. Olga D. Vorobeva, Department of Demography, Lomonosov Moscow State University, Russia; Chief Researcher, Institute of Demographic Research the Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: 89166130069@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1304-3715>

